

УДК 130.2+172**Культура отмены как культурологический концепт: к систематизации подходов****Костенко Олеся Владимировна**

Аспирант,
кафедра философии,
культурологии и межкультурных коммуникаций,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
295017, Российская Федерация, Симферополь, ул. Киевская, 39;
e-mail: olesya.kostenko.72@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению основных подходов к концептуализации в культурологическом дискурсе понятия «культура отмены». Автор предполагает, что в современных отечественных и зарубежных социально-гуманитарных исследованиях существует три основных смысловых вектора интерпретации данного понятия: как технологии управления и контроля цифровым пространством; как механизма смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте движений «новой этики» и как современной социально-политической технологии реализации общественного контроля и культурно-цивилизационного противостояния. Таким образом, распространение и использование механизмов «культуры отмены» не ограничивает её интерпретацию узкими социально-политическими рамками и позволяет её определять и рассматривать в геополитическом и культурно-цивилизационном масштабе.

Для цитирования в научных исследованиях

Костенко О.В. Культура отмены как культурологический концепт: к систематизации подходов // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 4А. С. 76-85.

Ключевые слова

«Культура отмены», культура, «новая этика», деструктивность, идентичность, идентификационная стратегия, социально-политическая технология, культурно-цивилизационное взаимодействие.

Введение

Словосочетание «культура отмены» активно используется как в современной научной литературе, так и в периодических изданиях отечественных и зарубежных средств массовой информации. В настоящее время существует множество интерпретаций, связанных не только с существующими научными подходами, но и с целым комплексом других дополнительных факторов, таких как политическая конъюнктура и особенности организации отношений в различных социальных институтах и культурных традициях. Всё это вызывает необходимость осмысления и уточнения данного понятия, а также упорядочения существующих точек зрения. В этой связи нам представляется необходимым применение *междисциплинарного подхода* при анализе проявлений и типов «культуры отмены», систематизации подходов к её определению и построении концептуальной основы данного феномена.

Цель статьи заключается в концептуализации феномена «культура отмены» посредством выделения и анализа основных подходов к её интерпретации в рамках культурологического дискурса.

В настоящее время мы можем выделить как минимум три смысловых вектора интерпретации данного феномена [Костенко, 2024, с.155].

- как технологии управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей;
- как механизма смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики»;
- как социально-политической технологии гибридной войны с «неудобными культурными кодами».

Остановимся на специфике данных интерпретаций подробнее, что позволит всесторонне рассмотреть культуру отмены при помощи инструментария современной культурологии.

Культура отмены как технология управления и контроля цифрового пространства

В настоящее время целый ряд исследователей определяет именно цифровую среду и информационное пространство в качестве основы возникновения и функционирования «культуры отмены». Мередит Д. Кларк, рассматривая появление «культуры отмены», подчеркивает её сетевую природу и определяет как «цифровую дискурсивную практику» [Meredith, Clark., 2020, 88]. П. Норрис отмечает, что практика отмены «обычно использует социальные сети», позволяющие применять различного рода санкции, «начиная от ограничения доступа к публичным платформам, нанесения ущерба репутации и прекращения карьеры до инициирования судебных преследований» [Norris, 2020, 1]. Причем, как отмечает испанский исследователь Л. Альварес Триго, «культура отмены» появилась в социальных сетях именно как «инструмент принуждения» к социальной справедливости, а также «вдохновения судебных преследований» [Álvarez, 2020, 1]. Отечественные исследователи Т. И. Ерохина, Л. Ю. Шураева, И. А. Быков, Ю. Д. Ахмедова [Быков, Ахмедова, 2021, 14] и др. в качестве источников технологии «культуры отмены» также определяют цифровую среду. Это объясняется «тем, что общественное мнение, необходимое для канселинга, формируется и передается посредством цифровых технологий» [Ерохина, 2024, 210]. Л. Ю. Шураева выделяет три формы воздействия культуры отмены: цифровое пространство, «евангеликализм» и цифровой активизм [Шураева, Коринец, 2022, 251]. Эту же проблему подчеркивает и Л.

Альварес Триго, отмечая, что онлайн-природа культуры отмены способствует возвращению негативных социальных тенденций, она поддерживает эгоизм отдельных социальных групп и «усиливает уже существующие предубеждения, которые есть у аудитории» [Álvarez, 2020, 2]. «Культура отмены» лежит в самой природе функционирования социальных сетей, так как практически все цифровые платформы предоставляют своим подписчикам возможности исключения неприемлемых именно для них взглядов. Это, по словам И. А. Быкова и Ю. Д. Ахмедовой, приводит к нивелированию самой природы медиа пространства как площадки для рациональных дискурсов ради «достижения общественного блага» [Быков, Ахмедова, 2021, 15]. К. Коктыш и А. Ренард-Коктыш подчеркивают некоторые особенности социальных сетей и медиа пространства в целом («ложные зоны компетентности», подмена собственных знаний информированностью, «массовая когнитивная слепота») [Коктыш, Ренард-Коктыш, 2021, 39], отмечая, что культура отмены – это технология упрощения восприятия, а, следовательно – продвижения односторонних, контролируемых извне взглядов. Именно так продвигались идеи «цветных революций» [Дериглазова, Погорельская, 2023, 39].

П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина, описывая «культуру отмены» в контексте публичности, функционирования цифровых технологий и социальных сетей, отмечают в качестве одной из её базовых характеристик «"безликость" участников, отсутствие ярких лидеров» [Былевский, Цацкина, 2022, 165], а также анонимность, что усложняет идентификацию продвигаемых ценностей и установление ответственности за свои действия. Внеинституциональная природа «культуры отмены» также связана именно с цифровой спецификой осуществления её механизмов (Г. Сардарян) [Почему Запад пытается «отменить» Россию?, www]. Американские исследователи канселлинга Э. Фаррис, П. Керриган, Е. Сиопера подчеркивают важность цифровой среды как пространства разворачивания технологий отмены. Более того, именно цифровая среда и формирует, по их мнению, полярность взглядов, разделяя публику на отменяемую и отменяющую, которая, как и порождаемые ей «дискурсы, прогрессивные, центристские или реакционные, не действуют в нейтральной среде; скорее, их действия формируются <...> цифровой средой, в которой они осуществляются (перевод мой. – О.К.)» [Farries, Kerrigan, Siopera, 2024, www]. Таким образом, сама цифровая среда является не только платформой, но и полноправным участником культуры отмены, прямо и косвенно (через возможности социальных сетей) усиливать, либо, наоборот, снижать социальную и культурную напряженность. Более того, именно цифровая среда подпитывает нарративы «культуры отмены», позволяя говорить о последней в контексте «цифровой политики, сетевой общественности и (возрождения) культурных войн» [Farries, Kerrigan, Siopera, 2024, www].

«Культура отмены» сравнивается американскими исследователями с «карнавальным шествием», так как требует максимальной зрелищности и публичности, которые в состоянии обеспечить именно цифровое пространство. И здесь необходимо подчеркнуть двойственную природу сосуществования культуры отмены и цифрового пространства. С одной стороны «культура отмены» является источником развития медиа платформ, с другой стороны цифровые сети вынуждены реагировать на общественные вызовы в виде требований социума исключить кого-либо, так как в противном случае они сами окажутся под угрозой отмены [Farries, Kerrigan, Siopera, 2024, www]. Таким образом, рассматривая «культуру отмены» как механизм функционирования цифрового пространства, исследователи подчеркивают, наряду с относительной анонимностью, безнаказанностью и быстротой распространения информации [Шураева, Коринец, 2022, 251], также специфику онлайн-коммуникации, заключающуюся в оторванности от социального, политического, исторического и культурного контекста

продвигаемых ей нарративов [Álvarez, 2020, 2].

«Культура отмены» как механизм смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте движений «новой этики»

Классическое, устоявшееся определение «культуры отмены» как сугубо социально-этической технологии «публичного исключения» или «социального изгнания», связанное с управлением общественным мнением, сложилось в англоязычной среде на фоне движений «новой этики». Именно такое понимание канселлинга наиболее распространено в англоязычном научном сегменте, особенно в американских исследованиях. Например, профессора Юго-Восточного университета Нова (США) Бахаудин Г. Муджтаба и Фрэнк Дж. Кавико, акцентируя внимание именно на профессиональной этике, отмечают, что практики отмены применяются из-за определенного «ненадлежащего поведения» [Mujtaba, Cavico, 2020, 132] в профессиональной среде. В основном это – проблемы «сексуальной дискриминации и домогательств на работе» [Mujtaba, Cavico, 2020, 132], породившие движение #MeToo. Ученые раскрывают основные аспекты канселлинга через ряд этических категорий и концепций (этика долга, этический релятивизм и др.). Так, они сравнивают современные технологии «культуры отмены» в профессиональной среде с внедрением принципов «этического эгоизма» в трактовке английского экономиста А. Смита, согласно которому «...нравственно продвигать свои личные интересы. То есть действие, которое продвигает личные интересы, является нравственным; и, наоборот, действие, которое наносит ущерб чьим-либо личным интересам, является безнравственным» [Mujtaba, Cavico, 2020, 138]. Таким образом, соблюдение прав окружающих рационально, так как принесет пользу в будущем всему обществу. Однако здесь есть определенные сложности, обозначенные авторами «этический релятивизм», утверждающий, что «мораль определяется общественными убеждениями, нравами и предписаниями» [Mujtaba, Cavico, 2020, 139]. Проблема заключается в относительности морали современного общества, о которой писал ещё Ф. Ницше, и то, что морально для одного сообщества, безнравственно для другого даже в рамках одной социальной системы.

Этический аспект механизмов отмены подчеркивается профессором А. А. Гусейновым, отмечающим, что смысл понятия «новая этика» «для одних <...> является только обозначением некоего вектора общественных процессов в западном мире, для других – шагом вперед на возвышающем пути либерализма, для третьих – опасной чертой, своего рода красной линией, которая обозначает обвал, крах тысячелетних моральных устоев современной цивилизации» [Гусейнов, 2021, 92].

С. Фелан отмечает моральную определенность и даже однозначность «культуры отмены», которая исключает «альтернативные возможности, опыт и интерпретации идентичностей и позиций» [Phelan, 2025, www]. Это порождает и провоцирует усиление социальной вражды, и вместо установления справедливости усугубляет антагонизм взглядов. Смысл понятия культуры здесь трансформируется от созидательных к карательным интенциям, используя, по сути, метафорически в отношении исключающих социальных механизмов. «Маскировка под "культуру" – как отмечают П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина, – может являться неявной угрозой интересам большинства и "традиционным ценностям" ввиду двусмысленности понимания и использования термина» [Былевский, Цацкина, 2022, 164]. Сам смысл понятия культуры искажается в отношении инструментов «новой этики», приобретая разрушительные интенции.

Это связано, в том числе, с относительностью моральных установок современного общества, проявляющейся не в самих нормах, а в их носителях. Нормы «новой этики» зачастую политизированы и сводятся к насаждению толерантности, навязыванию определенных, часто односторонних ценностных установок и неприятием как альтернативы, так и нейтрального отношения. Т. И. Ерохина, рассматривая культуру отмены в качестве средства внедрения «новой этики» в социальное пространство, акцентирует внимание на амбивалентности её природы. С одной стороны, культура отмены должна способствовать сплочению социума вокруг действительно важных этических вопросов, основываясь «на попытке выделить нравственные ориентиры, которые должны лечь в основу понимания личности и общества» [Ерохина, 2024, 209]. Но с другой стороны постулаты «новой этики» крайне двойственны, так как та же толерантность содержит скрытую агрессию к альтернативным точкам зрения, тем самым неся угрозу свободе слова [Ерохина, 2024, 209–210].

Так, расовые угнетения на Западе осуждаются общественностью преимущественно в отношении представителей негроидной расы, а нарушение прав (в том числе и на свободу слова) белых таковым не считается. Сегодня ценности «новой этики» являются не социально-культурным, а политическим инструментом, превращая её в «тоталитарные механизмы принуждения и контроля» [Ерохина, 2024, 209–210].

Таким образом, культура отмены как *форма социального исключения*, связанная с нарушением этико-моральных норм, выступает способом манипуляции общественным мнением, основывающемся на ценностях, которые напрямую влияют на идентичность человека [Малыгина, 2023, 217–220]. Однако зачастую «культуру отмены» как сугубо этическую форму исключения за неприемлемое поведение практически не рассматривают, усматривая в технологиях отмены ярко выраженную политизированность и связывая этику и политику.

«Культура отмены» как социально-политическая технология

Наиболее обширную группу исследований канселлинга представляют работы, акцентирующие внимание на *социально-политической природе* феномена культуры отмены. Так, Ив Нг, отмечая, что «культура отмены» возникает на определенном этапе социокультурного и политического развития общества, избегает его чрезмерной конкретизации только на этической составляющей. Американский профессор под «культурой отмены» понимает как практики, «которые включают действия против цели отмены, которой может быть человек, бренд или компания, так и дискурсы [отмены], которые являются комментариями об отмене (здесь и далее перевод мой. – О.К.)» [Ng, 2022, 12]. Например, через призму «культуры отмены» она рассматривает социальные движения (против домогательств #MeToo, против расизма BLM) [Ng, 2022, 54–60] и политические явления (импичмент Д. Трампа) [Ng, 2022, 85–88], повлекшие за собой как репутационные, так и экономические последствия (например, санкции Китая против Dolce & Gabbana) [Ng, 2022, 109–113]. В американских исследованиях канселлинга акцент делается именно на социально-политические механизмы отмены «как вмешательства социальной справедливости» [Farries, Kerrigan, Siapera, 2024, www] в ситуации, где большинство (либо активное и политически поддерживаемое меньшинство) усматривает угрозу национальным ценностям и личным убеждениям. Социально-политический контекст «культуры отмены» сосредоточен вокруг проблемы свободы слова, и представлен диаметрально противоположными взглядами. Так, с одной стороны, достаточно многочисленная группа западных и отечественных исследователей подчёркивает *деструктивный* для общества

характер «культуры отмены», проявляющийся в её понимании как конкретной технологии борьбы с неудобными взглядами и мнениями путем публичного порицания и исключения индивида из социальной структуры. О.Ю. Юхнина, например, указывает на «перегибы» при применении культуры отмены, когда преследования за публичные высказывания угрожают не только карьере, но и «личной безопасности человека» [Юхнина, 2023, 256]. Все эти процессы с большой долей вероятности могут привести к установлению «общественного диктата» [Юхнина, 2023, 256], что противоречит самой идее борьбы за справедливость, лежащей в основе появления современных технологий культуры отмены. С другой стороны – целый ряд исследователей не видит в культуре отмены никакой угрозы свободе слова [Álvarez, 2020, 11], отмечая, что канселлинг – это борьба за социальные равенство и справедливость. О такой двоякости трактовок культуры отмены в американском обществе говорит и Д. Пареньков, отмечая, что существуют минимум два разновекторных понимания данного понятия: это морально-этическое и социально-политическое. В первом случае речь как раз и идёт о движениях «новой этики», задача которых – установление социальной справедливости путём защиты уязвимых членов социума. Здесь культура отмены приобретает форму «culture of accountability» («культура ответственности») [Пареньков, 2022, www]. А во втором она же представляет собой «инструмент цензурирования и «модерирования» политического и социального пространства» [Пареньков, 2022, www]. Причём масштаб и разнообразие различных практик культура отмены приобретает именно в случае её использования как внутриполитической технологии, а после 2022 года – и геополитической, когда стали предприниматься попытки вывести технологии отмены на международный уровень борьбы с Россией.

Таким образом, социально-политический подход к определению культуры отмены можно условно разделить на два уровня: внутригосударственный и международный (цивилизационный). В первом случае «культура отмены» рассматривается рядом исследователей (преимущественно американских) как технология внеинституционального скрытого контроля властью определенных групп населения. Мередит Д. Кларк называет её технологией «сетевого фрейминга существующих социальных проблем теми, кто находится у власти» [Clark, 2020, 88-92], когда критическое мышление подменяется эмоциональной составляющей. «Культура отмены», по словам Э. Фаррис, рождается из желания контролировать» [Farrises, Kerrigan, Siapera, 2024, www] то, что им не подчиняется. Таким образом, при помощи технологий отмены разжигаются социальные споры, подавляются альтернативные точки зрения и население отвлекается от реальных проблем [Farrises, Kerrigan, Siapera, 2024, www]. В данном контексте также следует отметить неолиберальную концепцию «социальной силы», в рамках которой для современного государства постулируется возможность добровольного выстраивания ценностей и норм, которые «желательны» для «международного» сообщества. В свою очередь, если оппонент такого государства подчеркивает своё несогласие с установленными стандартами, то оно может интерпретировать его действия как нелегальные, проводя процедуру «мягкой делигитимации» («soft disempowerment» П. Браннаган [Brannagan, 2015, 703–719], И. Манор). Как отмечает в данной связи М. И. Савченкова: «Мягкая делигитимация – это действия или бездействие государства, которые в конечном итоге приводят к озабоченности, оскорбляют или отталкивают других, что приводит к потере доверия и привлекательности. Теория мягкой делигитимации становится безупречной концептуальной иллюстрацией политики «новой этики», а её преобладающим инструментом – культура отмены» [Савченкова, 2024, 192].

Международное проявление (цивилизационный аспект) «культуры отмены» появляется в 2022 году, когда при усилении геополитического противостояния она проявляется в качестве инструмента гибридных войн с культурой и приобретает смысл отмены конкретной культуры. Американские исследователи рассматривают «культуру отмены» «как сложную территорию, где разыгрываются битвы за власть» [Farries, Kerrigan, Siapera, 2024, www], причем посредничество власти в поддержке механизмов отмены, а также её возможности в цифровом пространстве нельзя игнорировать как один из ключевых факторов и важных условий осуществления отмены. Л. В. Дериглазова и А. М. Погорельская при описании природы культуры отмены акцентируют внимание именно на её международном проявлении как отмене русской культуры. Они определяют её как инструмент «коллективного действия против конкретной страны и всего, что с ней связано, включая бизнес, культуру, спорт, образование и науку» [Дериглазова, Погорельская, 2023, 9], подчеркивая масштабность объектов отмены.

Особым видом политических технологий отмены является её применение при ведении гибридных войн. Один из наиболее известных отечественных специалистов в области государственной безопасности И. Н. Панарин, описывая сущность и природу гибридных войн как «гуманитарных операций», включающих «информационное и идеологическое воздействие» [Панарин, 2019, 60], отмечает, что стратегии их ведения сформулированы в основополагающих доктринах США и Европы и направлены, прежде всего, на разрушение российской государственности. Таким образом, культура отмены на межкультурном уровне может определяться как современная цифровая технология гибридной войны, позволяющая успешно воздействовать на идентичность, культуру и национальное самосознание человека.

Выводы

Таким образом, выявив, сравнив и сопоставив интерпретационные векторы «культуры отмены», можно дать ей следующее определение. «Культура отмены» – это современная деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий, имеющая цифровую природу, характеризующаяся массовостью, публичностью, внеинституциональностью, неприятием альтернативных социокультурных норм и ценностей и отсутствием диалога, объединяющая ряд технологий борьбы с инакомыслием, слома или изменения социально-культурных нарративов, направленных на защиту своих и нивелирование чужих ценностных установок, что влечёт за собой искажение устоявшихся идентификационных стратегий.

По степени своего проявления она включает два уровня: *функциональный* и *культурно-цивилизационный*. В первом случае она представляет собой социальную технологию управления общественным мнением внутри государства либо одной культурной парадигмы, во втором – механизм смены или слома культурно-цивилизационных моделей на международном, глобальном уровне. Таким образом, культура отмены расширяется от технологии формирования общественного мнения (инструмента манипулирования), до механизма цензурирования «культурного ядра», составляющего основу культурно-цивилизационной модели.

Библиография

1. Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1, № 1. С. 14–26.

2. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169.
3. Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Выпуск 58. С. 91–106.
4. Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16 (4). С. 7–33.
5. Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. №4 (67). С. 26–46.
6. Ерохина Т. И. «Культура отмены» в контексте «новой этики» // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. С. 209–211.
7. Костенко О. В. К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 154–161.
8. Малыгина И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. С. 217–220.
9. Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №4. С. 58–71.
10. Пареньков Д. Отменяй и властвуй? «Культура отмены» в мировой политике // Валдай: Международный дискуссионный клуб. 07.06.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/> (дата обращения: 21.02.2025).
11. Почему Запад пытается «отменить» Россию? Мнение декана МГИМО Генри Сардаряна // Информационное агентство «SM News» URL: <https://sm.news/genri-sardaryan-smysl-kultury-otmeny-71572-u3t5/> (дата обращения: 18.11.2024).
12. Савченкова М. И. Культура отмены в современном исследовательском дискурсе: теоретические и исторические детерминанты // Власть. 2024. №3. С. 188–194.
13. Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 248–256.
14. Юхнина О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. С. 255–257.
15. Álvarez Trigo L. “Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters”. PopMeC Research Blog. Published September 25, 2020. P. 1–13. URL: https://www.researchgate.net/publication/344512933_Cancel_Culture_the_Phenomenon_Online_Communities_and_Open_Letters (дата обращения: 19.02.2025).
16. Brannagan P. Soft Power and Soft Disempowerment: Qatar, Global Sport and Football’s 2022 World Cup Finals // Leisure Studies. 2015. Vol. 34. No. 6. P. 703–719.
17. Farries E., Kerrigan P., Siapera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // Television & New Media. 2024. Volume 26, Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 24.03.2025).
18. Meredith D. Clark. Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // Communication and the Public. Vol. 5, Iss. 3–4: Special Forum on Digital Culture and Society, September–December 2020. P. 88–92.
19. Mujtaba B. G., Cavico F. J. (2020). Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era. SocioEconomic Challenges, 4(4), 132–150. [https://doi.org/10.21272/sec.4\(4\).132-150.2020](https://doi.org/10.21272/sec.4(4).132-150.2020).
20. Ng E. Cancel Culture: A Critical Analysis. New York: Palgrave Macmillan, 2022. 153 p.
21. Norris P. «Closed Minds? Is a "Cancel Culture" Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science?» // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025. 2020. 28 p. – URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/closed-minds-cancel-culture-stifling-academic-freedom-and-intellectual-debate> (дата обращения: 21.01.2025).
22. Phelan S. Seven Theses About the So-Called Culture War(s) (or Some Fragmentary Notes on «Cancel Culture»). Cultural Studies. 2025. Vol. 39. No. 1. P. 63–88. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09502386.2023.2199309#abstract> (дата обращения: 21.01.2025).

Cancel culture as a cultural concept: towards systematization of approaches

Olesya V. Kostenko

PhD Student,
Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlinguistic Communication,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
295017, 39, Kievskaya str., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: olesya.kostenko.72@mail.ru

Abstract

The article identifies the main approaches to conceptualizing "cancel culture" within cultural discourse. The author proposes that contemporary Russian and international socio-humanitarian research reveals three primary interpretive vectors of this concept: 1) as a technology for managing and controlling digital spaces; 2) as a mechanism for shifting value paradigms and distorting identification strategies within "new ethics" movements; and 3) as a modern socio-political technology for implementing social control and civilizational-cultural confrontation. Consequently, the proliferation and application of "cancel culture" mechanisms transcends narrow socio-political frameworks, enabling its examination through geopolitical and civilizational-cultural lenses.

For citation

Kostenko O.V. (2025) *Kultura otmeny kak kulturologicheskiy kontsept: k sistematizatsii podkhodov* [Cancel Culture as a Cultural Concept: Towards Systematization of Approaches]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (4A), pp. 76-85.

Keywords

Cancel culture, culture, "new ethics", destructiveness, identity, identification strategy, socio-political technology, civilizational-cultural interaction

References

1. Bykov I. A., Akhmedova YU. D. (2021) *Kul'tura otmeny v politicheskom diskurse sovremennoy Rossii* [Cancellation culture in the political discourse of modern Russia]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovaniye. Slovesnost'*. [Bulletin of the Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature]. Vol. 1, № 1. pp. 14–26.
2. Bylevskiy P. G., Tsatskina Ye. P. (2022) *Fenomenologicheskiy analiz yavleniya «kul'tura otmeny»* [Phenomenological analysis of the phenomenon of "cancel culture"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. Vol. 2 (857). pp. 162–169.
3. Guseynov A. A. (2021) *Chto novogo v «novoy etike»?* [What's new in the "new ethics"?]. In: *Vedomosti prikladnoy etiki*. [Vedomosti appliednoy etiki]. Issue 58. pp. 91–106.
4. Deriglazova L. V., Pogorel'skaya A. M. (2023) *Kul'tura otmeny v politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Cancel culture in politics and international relations]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University]. Vol. 16 (4). pp. 7–33.
5. Koktysh K., Renard-Koktysh A. (2021) *Kognitivnoye izmereniye bezopasnosti* [Cognitive dimension of security]. In: *Mezhdunarodnyye protsessy* [International processes]. Vol. 19. №4 (67). pp. 26–46.
6. Yerokhina T. I. (2024) *«Kul'tura otmeny» v kontekste «novoy etiki»* [Cancel Culture in the Context of the "New Ethics"]. In: *Dialogi i konflikty kul'tur v menyayushchemsya mire: XXI Mezhdunarodnyye Likhachevskiy nauchnyye chteniya*, 25–26 maya 2023 g. [Dialogues and Conflicts of Cultures in a Changing World: XXI International Likhachev

- Scientific Readings, May 25–26, 2023]. St. Petersburg. pp. 209–211.
7. Kostenko O. V. (2024) K kontseptualizatsii «kul'tury otmeny»: aksiologicheskaya vs funktsional'naya interpretatsii kul'tury v otechestvennom i zarubezhnom sotsiokul'turnom prostranstve [On the conceptualization of “cancel culture”: axiological vs. functional interpretation of culture in the domestic and foreign socio-cultural space]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. Issue. 12 (893). pp. 154–161.
 8. Malygina I. V. (2024) Identity capital i strategii samoopredeleniya cheloveka v tsifrovom prostranstve sovremennoy kul'tury [identity capital and strategies of human self-determination in the digital space of modern culture]. In: Dialogi i konflikty kul'tur v menyayushchemsya mire: XXI Mezhdunarodnyye Likhachevskiy nauchnyye chteniya, 25–26 maya 2023 g. [Dialogues and Conflicts of Cultures in a Changing World: XXI International Likhachev Scientific Readings, May 25–26, 2023]. St. Petersburg. pp. 217–220.
 9. Panarin, I. N. (2019) Osnovy teorii «gibridnoy voyny» [Fundamentals of the Theory of “Hybrid War”]. In: Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo yevraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo [International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law.]. No 4. pp. 58–71.
 10. Paren'kov D. (2022) Otmenyay i vlastvuy? «Kul'tura otmeny» v mirovoy politike [Cancel and rule? “Cancel culture” in world politics]. In: Valday: Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub [Valdai: International discussion club]. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/>
 11. Pochemu Zapad pyataysya «otmenit'» Rossiyu? Mneniye dekana MGIMO Genri Sardaryana [Why is the West trying to “cancel” Russia? Opinion of MGIMO Dean Genri Sardaryan]. In: Informatsionnoye agentstvo «SM News» [Information agency “SM News”]. Available at: <https://sm.news/genri-sardaryan-smysl-kultury-otmeny-71572-u3t5/>
 12. Savchenkova M. I. (2024) Kul'tura otmeny v sovremennoy issledovatel'skom diskurse: teoreticheskiye i istoricheskiye determinanty [Cancel culture in modern research discourse: theoretical and historical determinants]. In: Vlast' [Power]. No 3. pp. 188–194.
 13. Shurayeva L. YU., Korinets A. G. (2022) Sotsial'nyy effekt «kul'tury otmeny» v tsifrovom prostranstve na primere pokoleniy Y i Z [Social effect of “cancel culture” in the digital space on the example of generations Y and Z]. In: Vestnik universiteta [University Bulletin]. No 12. pp. 248–256.
 14. Yukhnina O. YU. (2024) Grani «novoy etiki»: «kul'tura otmeny» kak novaya sotsial'naya real'nost' [Facets of the “new ethics”: “cancel culture” as a new social reality]. In: Dialogi i konflikty kul'tur v menyayushchemsya mire: XXI Mezhdunarodnyye Likhachevskiy nauchnyye chteniya, 25–26 maya 2023 g. [Dialogues and Conflicts of Cultures in a Changing World: XXI International Likhachev Scientific Readings, May 25–26, 2023]. St. Petersburg. pp. 255–257/
 15. Álvarez Trigo L. (2020) “Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters”. PopMeC Research Blog. Published September 25. pp. 1–13. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344512933_Cancel_Culture_the_Phenomenon_Online_Communities_and_Open_Letters.
 16. Brannagan P. (2015) Soft Power and Soft Disempowerment: Qatar, Global Sport and Football’s 2022 World Cup Finals. In: Leisure Studies. Vol. 34. No. 6. pp. 703–719.
 17. Farries E., Kerrigan P., Siapera E. (2024) Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // Television & New Media. Volume 26, Issue 1. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469>.
 18. Meredith D. Clark (2020) Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture». In: Communication and the Public. Vol. 5, Iss. 3–4: Special Forum on Digital Culture and Society, September–December 2020. pp. 88–92.
 19. Mujtaba B. G., Cavico F. J. (2020) Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era. In: SocioEconomic Challenges, 4(4), pp. 132–150. [https://doi.org/10.21272/sec.4\(4\).132-150.2020](https://doi.org/10.21272/sec.4(4).132-150.2020).
 20. Ng E. (2022) Cancel Culture: A Critical Analysis. New York: Palgrave Macmillan, 2022. 153 p.
 21. Norris P. (2020) «Closed Minds? Is a “Cancel Culture” Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science?». In: HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025. 28 p. Available at: <https://www.hks.harvard.edu/publications/closed-minds-cancel-culture-stifling-academic-freedom-and-intellectual-debate>.
 22. Phelan S. (2025) Seven Theses About the So-Called Culture War(s) (or Some Fragmentary Notes on «Cancel Culture»). Cultural Studies. Vol. 39. No. 1. pp. 63–88. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09502386.2023.2199309#abstract>.